

«ВСЕ ЗДЕСЬ ОЧЕНЬ БЫЛИ БЫ РАДЫ ВАС ВИДЕТЬ»

Владимир Муравьев

«А что, же Вы-то сами, когда соберетесь к нам? Все здесь очень были бы рады Вас видеть. Крепко жму Вашу руку. Сердечно преданный Ф. Тютчев» — так Федор Иванович Тютчев, внук и полный тезка своего деда-поэта, заканчивает письмо, посланное 21 июня 1929 года из Муранова в Москву известному поэту «серебряного века» литературоведу-исследователю поэзии пушкинской эпохи — русского «золотого века» — Юрию Никандровичу Верховскому.

Верховский был давним знакомым потомков и родственников владельцев и обитателей Муранова: Боратынских, Рачинских, Пуляг, Тютчевых. Первоначальное знакомство состоялось, видимо, еще в юности Верховского, так как Верховские жили в Смоленской губернии и там же находилось имение Рачинских-Боратынских Татево.

Юрий Никандрович Верховский родился 23 мая 1878 года в сельце Гришинево Духовщинского уезда Смоленской губернии, «в усадьбе родных». Его родители собственной «усадьбки» не имели, они были, как пишет он в автобиографии, «разночинцами-интеллигентами»: отец Никандр Иванович служил присяжным поверенным в Смоленске, мать Лидия Максимовна, урожденная Иванова — художница, дочь чиновника, музыканта-любителя, в семье сохранялись предания о его знакомстве со знаменитым земляком М.И. Глинкой.

В семье Верховских на главном месте стояли духовные интересы. В доме много читали, звучала музыка, отец и мать занимались переводами, преимущественно географических сочинений и описаний путешествий, все сочиняли домашние стихи «на случай». Еще будучи гимназистом, сочинял такие стихи и Верховский. Устраивались любительские спектакли, в которых играли он с братьями и сестрой и знакомая молодежь.

После гимназии Верховский поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета и окончил его по романо-германскому отделению. Его научный руководитель академик А.Н. Веселовский, видя в нем будущего ученого-филолога, рекомендовал оставить его при университете для подготовки к научной и преподавательской работе. Верховский специализировался на истории западно-

европейской средневековой литературы и писал диссертацию о латинской поэзии вагантов.

Но молодого ученого все более и более захватывало собственное поэтическое творчество. Он не только посвящал ему много времени, но уже осознавал, что поэзия — его жизненное призвание, «заветное поприще», как он прижился себе в дневниковой записи.

В то же время его не отпускаял и интерес к научным поискам. Много лет спустя во времена жесткой специализации он напишет стихотворение о том, что поэты называют его профессором, а «науки мужия» поэтом, и заканчивает его меланхолически-грустным замечанием:

Или и вправду ученым поэты бывали недавно,
Как и ученый не в стыд часто поэтом бывал?

В конце 1904 года группа молодых людей, пробующих силы в литературе, издала альманах, названный ими с некоторой долей самоиронии «Зеленый сборник стихов и прозы». В этом сборнике была напечатана первая крупная — более двадцати — подборка стихотворений Верховского.

Сборник обратил на себя внимание читателей и критики. Появилось несколько рецензий, и в том числе А.А. Блока, который выделил среди авторов Верховского: «Сильнее всех — Юрий Верховский, умеющий разнообразить размеры и владеющий стихом лучше всех». Отметил стихи Верховского и В.Я. Брюсов, он пригласил его сотрудничать в «Весах» и предложил подготовить для издательства «Скорпион» сборник, который и вышел два года спустя. Уже в конце жизни, подводя итоги своей деятельности, Брюсов писал: «Сколько истинных поэтов я первый представил читателям! Я горжусь этой стороной своей деятельности». Среди полутора десятка имен «истинных поэтов» — Блока, Андрея Белого, С. Городецкого, М. Кузмина и других — Брюсов называет и имя Ю.Н. Верховского.

Критика о Верховском писала мало, его стихи были негромки, а талант не вызывал сомнения. «Он, конечно, поэт и имеет индивидуальность», «играет на полутонах», «несомненно истинный лирик», — писал о нем Вячеслав Иванов. «Удивительно верный чертёж — слабый нажим пера», — характеризовал его поэзию Блок, в жизни считавший Верховского одним из самых близких себе людей. Брюсов обращал вни-

мане на истоки поэзии Верховского в русской классической поэзии пушкинской эпохи и на то, что ему удалось «обогатить «классические» размеры и приемы некоторыми новыми приобретениями», что делало его стихи не стилизацией под старинных авторов, но произведениями современной поэзии, современного стиля.

Верховского охотно печатали журналы, в 1908–1917 годах он издал три сборника стихотворений.

В литературной жизни начала XX века Верховский занимал заметное место, среди его знакомых и друзей — А. Блок, М. Кузмин, Г. Чулков, Ф. Сологуб, А. Ремизов, Вяч. Иванов, В. Брюсов, А.Н. Толстой и многие другие. Его авторитет как поэта стоял высоко, а человеческие качества вызвали уважение и любовь.

По воспоминаниям современников, главными чертами характера Верховского были доброта и неколебимая верность друзьям. «У этого очаровательного человека, настоящего поэта и серьезного филолога, — пишет в своих мемуарах «Годы странствий» Георгий Чулков, — кажется, нет ни единого врага. Его кротость известна всем, кто его встречал. Его бескорыстие, его ленивая мечтательность, его неумение уступать свои житейские дела стали легендарными».

Верховский был крупного телосложения и у друзей имел прозвище «Слон».

Собственное поэтическое творчество хотя и не отвлекало Верховского от научных занятий, но изменило их тематику: он переходит к истории русской литературы и вскоре останавливается на изучении поэзии пушкинской эпохи. Среди поэтов этой поры особое внимание он уделяет Е.А. Боратынскому, причем Боратынский становится для него не просто

Портрет Ю.Н. Верховского

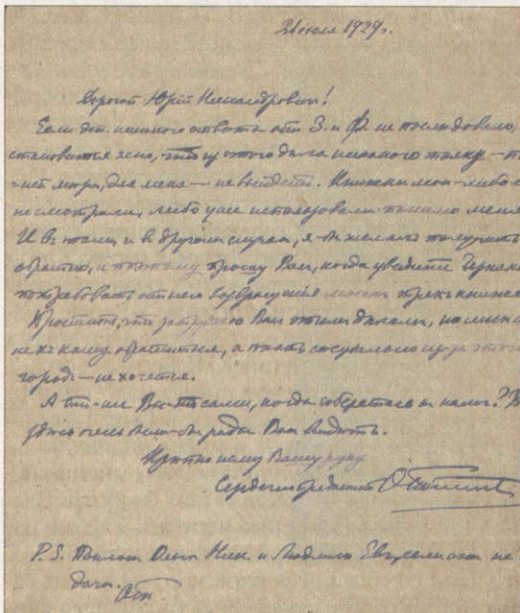
объектом научного изучения, но учителем духовных тайн поэзии и мастерства. В Верховском Боратынский нашел того читателя, о котором писал в одном из самых заветных своих стихотворений:

Мой дар убог и голос мой не громок,
Но я живу, и на земле мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношеньи,
И как нашел я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я.

Эпиграфом из Боратынского Верховский снабдил одно из стихотворений первого своего выступления в печати в «Зеленом сборнике».

Научная работа Верховского оказывается столь успешной, что Академия наук включает ее в свои планы и дает ему командировки для поисков материалов о жизни и творчестве Боратынского. В начале XX века большое количество материалов пушкинского времени еще находилось в личных архивах потомков и наследников. Верховский посещает потомков Е.А. Боратынского в Смоленской, Казанской, Тамбовской губерниях. Общение исследователя с владельцами архивов из деловых отношений перешло в добрые личные и осталось такими на всю жизнь.

«Работе, — рассказывает Верховский в предисловии к публикации материалов Татевского архива, — оказала ценнейшее содействие сестра Сергея Александровича (Рачинского — племянника А.Е. Боратынского. — В.М.) — ныне также покойная — Варвара Александровна Рачинская. Широко отворив перед нами двери как та-

тевского дома, так и семейного архива, Варвара Александровна не отказала нашей работе в ценнейших фактических указаниях, делая с нами своими воспоминаниями о прошлом родных ей семейств. Ей обязаны мы живыми впечатлениями прошлого. Нет в живых и баронессы Елизаветы Антоновны Дельвиг и Анастасии Сергеевны Боратынской, но памятна автору настоящих строк их живые речи о милом былом». Верховский в той же книге благодарит за помощь в работе О.А., А.Н., М.А. Боратынских, З.Е. Геркен (урожденную Боратынскую), М.Э. Дмитриева-Мамонова.

Результатом архивных поисков Верховского стало издание книги «Е.А. Боратынский. Материалы к его биографии. Из Татевского архива Рачинских», которая ввела в научный оборот новые материалы, а комментарии Ю.Н. Верховского представляли собой настоящую энциклопедию по Боратынскому. В 1912 году в журнале «Труды и дни» Верховский напечатал статью «О символизме Боратынского», в которой как современный поэт-практик показал актуальность поэтики Боратынского для современности. Место и значение Боратынского в литературе пушкинского времени очерчено и показано в предисловии Верховского к составленному им сборнику «Поэты пушкинской поры» (М., 1919), остающемуся до настоящего времени лучшей из подобных антологий. Естественно, Верховский должен был касаться различных аспектов творчества и биографии Боратынского в работах, посвященных его современникам А.А. Дельвигу, К.Ф. Рылеву, А.П. Керн и других.

После революции Верховский продолжает писать стихи, но его практически не печатают на том основании, что они «несовременны и не представляют для читателя интереса». Круг его читателей сужается до ближайших друзей-поэтов, которые отмечают, что его произведения стоят на той же высоте, когда они вызывали одобрение Блока и Брюсова, а его верность прежним творческим принципам вызывает уважение.

С конца 1920-х годов Верховский в основном занят переводческой работой. Как знаток европейских языков и поэзии он переводит поэтов Средневековья и Возрождения: Петрарку, Боккаччио, Ронсара, Сервантеса и многих других. Эти переводы до сих пор перепечатываются в хрестоматиях. Переводит он также и поэтов народов СССР.

Верховский имел звание профессора, доктора наук и преподавал в высших учебных заведениях Петербурга, Москвы, Урала, Тбилиси. В начале 1930-х годов, обосновавшись в Москве, он целиком перешел на творческую работу.

В Москве ближайшим его кругом, кроме литературного, становится кружок пушкинистов, собиравшихся у В.В. Вересаева: М.А. и Т.Г. Цявловские, Б.Л. Модзалевский, Б.В. Томашевский,

Г.И. Чулков, И.А. Новиков, Л.П. Гроссман, Н.С. Ашукин. Л.П. Гроссман в дневнике дает характеристики членов кружка, в том числе и Верховского: «Верховский говорил мало, редко и недолго, но делал обычно очень дельные замечания. Вопросы стиля, стиха, старинного стихосложения, иногда вопросы старинного быта пушкинской эпохи. Он превосходно знал пушкинские стихотворные тексты, отлично помнил их и передавал без искажения — быть может, это и есть подлинное любовное знание Пушкина. Мне всегда были подозрительны «пушкинисты», плохо запоминавшие стихи Пушкина и не решавшиеся их цитировать на память».

Верховский участвует в подготовке первого советского «Полного собрания сочинений А.С. Пушкина» 1929—1931 годов, публикует ряд работ по истории литературы пушкинской эпохи.

Когда образовался музей-усадьба Мураново, его первый директор Н.И. Тютчев пригласил Верховского к сотрудничеству. В частности, Верховский участвовал в работе над экспозицией выставки, посвященной 125-летию со дня рождения Боратынского. Его статья об этой выставке в журнале «Красная нива» стала одной из первых публикаций в печати о деятельности музея.

Главной темой научных интересов Верховского остается Боратынский и их целью издание полного научного издания сочинений любимого поэта. Такая возможность представилась в начале 1930-х годов, когда издательство «Academia» предложило ему подготовить «Полное собрание сочинений Е.А. Боратынского».

По проспекту Верховского предполагалось «включение в издание всего написанного Боратынским», в том числе вариантов и черновики; ряд текстов и писем, в том числе из Мурановского архива, публиковалось впервые. Издание снабжалось иллюстрациями; часть из них, как указывалось в списке, ранее неопубликованных, предоставлял «Музей-усадьба Мураново».

Верховский брал на себя текстологическую работу, комментирование, написание вступительной статьи.

Первый том Полного собрания сочинений Е.А. Боратынского был представлен в издательство в 1936 году. В архиве Верховского сохранился отзыв Д.Д. Благого: «Подготовленное Ю.Н. Верховским Собрание сочинений Боратынского — плод длительного и добросовестнейшего труда лучшего у нас знатока биографии и творчества этого поэта». Рецензент указывает на правомерность построения издания и его преимущества по сравнению с предыдущими изданиями, но в связи с наметившейся в 1930-е годы издательской тенденцией к сокращению справочного аппарата предлагает сократить примечания, «ибо в них заключаются элементы не столько справочных примечаний, необходи-

мых для издания данного типа, сколько элементы научно-исследовательского порядка, которым место в специальных исследовательских работах по Боратынскому». По последнему замечанию можно догадаться, что Благому был известен давний, еще с начала двадцатых годов, замысел Верховского написать научную биографию Боратынского.

В 1937 году издательство «Academia» было ликвидировано, и нового издателя для Боратынского не нашлось. После войны Верховский пытался вернуться к продолжению работы, но дальше небольшого количества выписок, сделанных дрожжащим старческим почерком, дело не пошло...

Если бы «Полное собрание сочинений Е.А. Боратынского» под редакцией Ю.Н. Верховского осуществилось, мы имели бы, безусловно, образцовое в части текстологической издание и ценнейший комментарий к его текстам, поскольку Верховский, кроме великолепного знания опубликованного материала, являлся еще и носителем живых преданий о пушкинской эпохе, которые он использовал в своих историко-литературных трудах.

Верховский поддерживал тесную связь с Мурановом до последних лет своей жизни. Об этом говорилось в адресе, зачитанном тогдашним директором Мурановского музея Кириллом Васильевичем Пигаревым на юбилейном вечере в 1953 году, посвященном 75-летию Верховского.

Вот этот адрес:

«Дорогой Юрий Никандрович!

Мурановский музей горячо приветствует Вас в славный день вашего семидесятилетия.

Сотрудники музея любят и ценят Вас не только как одного из старейших наших поэтов, но и как лучшего знатока жизни и творчества Е.А. Боратынского.

Ваша книга «Е.А. Боратынский. Материалы к его биографии» является для нас в полном смысле слова настольной книгой при изучении творческого наследия поэта, чье имя тесно связано с мурановским «домом поэтов».

В своей научной и экспозиционно-выставочной работе Музей неоднократно пользовался вашими ценными советами и указаниями.

Позвольте в день вашего юбилея пожелать Вам осуществить вашу давнюю мечту и обнародовать результаты ваших многолетних изысканий по истории текста любимого Вами поэта. В настоящее время, когда вопросам текстологии уделяется особенное внимание, эта работа будет принята всеми нами с чувством огромного удовлетворения. Мы ждем ее! Она нам нужна.

От души желаем Вам, дорогой Юрий Никандрович, долгих лет плодотворной творческой деятельности!

Директор Мурановского музея К.В. Пигарев».

Но Ю.Н. Верховскому не суждено было увидеть изданными ни итогового собрания своих стихотворений, которое он готовил, ни сборника работ по истории литературы, ни текстологических изысканий по творчеству Боратынского — в 1956 году он скончался.

Текстологически достоверного Боратынского нет до сих пор.

В заключение впервые публикуются два стихотворения Юрия Никандровича Верховского, навеянные подготовкой сочинений Боратынского и Мурановом: знания, логика, разум исследователя всегда шли у него рука об руку с вдохновением поэта.

Как золотой песок пересыпать
Из горсти в горсть, — не так ли ты богата,
Воспоминаний сердца благодать
В безоблачном сиянии заката,
Когда цветет всё жившее когда-то?

И на мгновенье задержать в горсти
Мельчайшие, бесценные песчинки,
И ни одной не говорить прости,
Забывчивой не проронить слезинки
И позабыть о древнем поединке.

1931, июль

ПОСЕВ ЛЕСА

Голос умолк, безответен; поэт, омраченный,
отвергнул
Струны; возделывать стал хрящ* непочатый,
иной:

Лес тихосумрачный сеять — да в мощь
молодую деревьев

Мысли таинственный строй, скорби души
изойдут.

Выросли мощные дети поэзии — смолкшей
на смену;

Видел живую красу этих мурановских рощ,
В них я бродил, и словно недавно, в раздумье.

А ныне
Даже недавние пни вовсе сравнялись
с землей:

Буйная, чуждая воля напором слепым
сокрушила

Вашего дара красу, словно ненужного здесь.
Но залегли семена, и некогда шумом
зеленым

Лес зашумит молодой — в отзыв
бессмертным струнам.

1932, август

* хрящ — (устар.) — твердая, слежалая почва, целина.